

ной Германии через речевые портреты немецких тинейджеров из неблагоприятной социальной среды. Речь подростков эмоциональна, что проявляется в чрезмерном использовании интенсификаторов. Будучи яркими представителями поколения миллениалов, подростки свободно используют большое количество заимствований из английского языка, воспринимая их как часть родного языка (*Denglisch*). Тема аутсайдерства современной немецкой молодежи содержит и протестную составляющую: использование обценной лексики в актах проявления негативной идентичности [2], что связано с системным кризисом идентичности в обществе и культуре нового рубежа веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Herrndorf, W. Tschick / W. Herrndorf. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2017. – 254 S.
2. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 7. С.107-117.

*К.А. Пуряев (Россия, Самара)
Научный руководитель Н.К. Данилова*

КОНЦЕПТЫ «СВОЙ»/«ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей реализации парного концепта «свой / чужой» в медийном дискурсе. Анализ языковых особенностей текстов, опубликованных в немецких СМИ (журналах), показал, что данная бинарная оппозиция в связи с современным социально-политическим положением Германии вновь обретает актуальность, процесс актуализации сопровождается трансформацией содержания концептов.

Ключевые слова: *медиадискурс, концепт, «свой / чужой», ФРГ.*

В современном, переполненном всевозможными видами информации мире, в котором ведущую роль играют средства массовой информации, интерес исследователей привлекает, в первую очередь, медиадискурс. С помощью медиадискурса в нашу эпоху осуществляется «движение социальной мысли» и формируется концептуальная картина мира человека. [5, с. 48]. Следовательно, медиадискурс может получить описание как «доминирующая практика социальной рефлексии и переживания, социальное проектирование и прогнозирование» [5, с. 49].

В структуре дискурса содержание часто концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса», или «дискурсным топиком» [3]. Выступая в качестве ядра дискурса, «дискурсивный топик» сообщает о социально значимых, актуальных и резонансных событиях. Последние, в свою очередь, часто мотивированы определенной идеологией. Массмедийный

концепт (топик), являющийся, по определению А.В.Полонского, основной конструктивной когнитивной единицей массмедийного дискурса, обусловлен, кроме того, уже существующей до него культурой, ее «памятью». [5, с. 49].

В предлагаемом исследовании в качестве дискурсивного топика рассматривается парный концепт «свой» /»чужой» и его вербализация в медийном дискурсе ФРГ. Для успешной реализации язык должен обладать необходимой «эффективностью», которая достигается за счет целенаправленно использованных языковых средств [4, с. 162]. Как правило, «эффективный» язык апеллирует к чувствам адресата, заставляя его мыслить иррационально, что дает право говорить о навязывании определенной точки зрения, содержание в данном случае утрачивает свою объективность.

Свидетельством того, как функционирует рассматриваемый нами парный концепт в качестве дискурсивного топика, может служить следующее социально-коммуникативное событие. В мае 2018 года, накануне чемпионата мира в России, состоялась встреча футболиста национальной сборной команды Германии турецкого происхождения Месута Озила (Mesut Özil) и президента Турецкой Республики Реджепа Эрдогана, которая вызвала широкий политический и общественный резонанс и получила неоднозначную оценку всего мирового сообщества, в частности же немецкого. Сам игрок подвергся острой критике в самой Германии.

В одной из статей еженедельника «*Spiegel*» авторский комментарий содержит пресуппозицию, выраженную отрицанием *kein* в сочетании с существительным *Befehl*: «*Es war eine Einladung, die man auch hätte ablehnen können, kein Befehl*» [1, с. 26]. Игрок мог отказаться от приглашения, но сознательно принял его, а, значит, сознательно скомпрометировал себя. Безличная конструкция с *man* создает ложную объективность мнения и снимает с автора ответственность за сказанное, не оставляя адресатам шанса самим сформировать мнение по этому вопросу.

В следующем вопросе автор использует синтетическую форму конъюнктива *hätte*: «*Hätte er sie zu Hause lassen sollen? ... Das sind Weltklassemannschaften*» [1, с. 26]. Несмотря на то, что данный вид вопроса предполагает только ответы «да» или «нет», журналист сам дает ответ, содержащий имплицитную негативную оценку, воздействуя при этом на эмоции читателей. В сказанном прослеживается вовсе не оправдание игрока в глазах общественности, а столкновение смыслов спортивного (футбол) и идеологического дискурсов. Похожая стратегия представлена вопросом: «*Auch wenn Mesut ein zurückhaltender Mensch ist – glauben Sie wirklich, dass ein Weltstar wie er, der sich von seinem Vater losgesagt hat, alles diktieren lässt?*» [1, с. 26]. Отличие от предыдущего примера состоит в том, что для усиления иррационального давления использована подробность личной жизни футболиста, содержащаяся в самом вопросе.

«*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» вышла с заголовком «*Der Fall Özil*» [2, с. 15], продолжая тем самым тему разоблачения футболиста, чьи прежние победы («свой») утратили для общества ценность из-за его политических предпо-

чтений («чужой»). Отглагольное существительное *der Fall* имеет два варианта перевода на русский язык: «падение» и «случай». Потенциальная двойственность восприятия позволяет говорить о двусмысленности содержания заголовка. Важную роль при его интерпретации играет точка зрения читателей и смысл, заложенный автором и обретающий прочтение в контексте.

Более эксплицитную репрезентацию парный концепт «свой / чужой» получает в следующем фрагменте статьи: «*Es kamen ein Weltmeistertitel und ein Vorrundenaus. Und Özil gilt auf einmal nicht mehr als Beispiel für gelungene Integration, sondern als Problem*» [2, с. 15-16]. Контекстуально синонимичные пары „*ein Weltmeistertitel — Beispiel*“ и „*Vorrundenaus — Problem*“, фигурирующие в отдельных предложениях, позволяют говорить о номинативной импликации. Они не просто констатируют факт проигрыша и поиска виновных, но в очередной раз пытаются убедить адресатов в правильности сложившегося социального стереотипа «чемпион – пример», «проигрыш – проблема».

Ссылаясь на слова Озила о том, что тот считает себя в равной степени турком и немцем, автор дает следующий комментарий: «*Das sind dann eben doch Sätze, die weit aus dem Leben eines Londoner Millionärs hinaus und tief in die Konflikte des Einwanderungslandes Deutschland hineinreichen*» [2, с. 17]. Использованный в приведенном фрагменте эвфемизм *Londoner Millionär* вместо *Fußballspieler* не только создает дистанцию между обычным, среднестатистическим человеком и футболистом, ведь далеко не каждый в обществе, в том числе и среди немцев, является миллионером, что, в конечном счете, не дает спортсмену шанса вступить в конструктивный диалог с немецким обществом.

Продолжая тему интеграции, автор приводит статистические данные, согласно которым, многие мигранты турецкого происхождения во втором и третьем поколении ощущают себя и не турками, и не немцами: «*So gaben 47 Prozent der Befragten an, dass sie sich sehr anders fühlten. Özil verkörpere dieses Sich-anders-Fühlen*» [2, с. 17]. Выражению неопределенности позиции респондентов, в том числе и самого игрока, служит контаминация *dieses Sich-anders-Fühlen*, которую можно перевести как «ощущение себя другим». Как видно из этого примера, действующий в дискурсивном поле парный концепт «свой / чужой» способен породить в языке новые смыслы.

Подводя итоги, можно утверждать, что парный концепт «свой / чужой», имеющий глубокие корни в истории человечества и относящийся к его базовым архетипам, переживает новый период актуализации, он неустанно «ищет» способы возобновления своего существования, что в значительной степени обусловлено социально-историческим контекстом современной Германии. Для экспликации и поддержания существования концептов «свой» и «чужой» используются различные средства языка: конъюнктив, безличные конструкции, вопросительные предложения, метафора, импликация и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Antje Windmann. Die Explosion // Der Spiegel. – Nr. 31 / 28.7.2018;
2. Philip Eppelsheim, Andreas Nefzger. Der Fall Özil // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – NR. 31 27. JULI 2018.
3. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Электронный ресурс. – URL: http://www.infolex.ru/PolDis.html#_edn1 (Дата обращения 14.05.2019).
4. Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. – Вып. 5 (25). – Екатеринбург, 2008. – С. 160-167.
5. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. 244 с.

*В.Э. Штырова (Россия, Самара)
Научный руководитель Г.В. Кучумова*

ПОЭТИКА ЗАГОЛОВКА: ИГРОВЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОРА

Статья посвящена исследованию поэтики заголовка романа в аспекте новых стратегий номинации текста. Художественная практика современных авторов отмечена экспериментами с заголовками, носящими игровой характер и поисково-активную направленность. В исследовании выделены англоязычные названия романов, «именные» названия, «цифровые» заголовки. Составленная карта названий романов позволяет рассматривать весь корпус текстов как культурный каталог ключевых слов современной эпохи, а также выявить доминирование игровых стратегий в номинации текстов.

Ключевые слова: *заголовок, новейший роман, игровые стратегии, англоязычные заголовки, именные названия, цифровой заголовок, культурный каталог.*

Новый тип культуры – потребительской, информационной – определяет новую природу художественной коммуникации «автор / текст / читатель», задает особые отношения между автором и читателем. Заглавие произведения становится не только привилегированной сферой автора-творца, но и игровой зоной его контакта с читателем. Прежде писатель искал свое место в искусстве и решал художественные задачи, устремляясь к «метафизическим высотам». В новых историко-эстетических обстоятельствах автор нацелен на поиски места, с которого можно «выкрикивать» свои истории, увлекая читателя яркой «игрой в реальность» по типу *patchwork* с культурным, историческим, биографическим материалом в разных контекстах, приятным скольжением по поверхности разных дискурсов.

Игровые стратегии автора диктуют иные принципы номинации произведений [6]. Особой зоной самовыражения автора становится заголовок романа.